

Счастье*

Чеслав Милош

Перевод Анатолия Ройтмана

В небольшом эссе автор передает свое внутреннее переживание, эмоционально-смысловое осознание детства. Счастье, пережитое в детстве, не проходит бесследно. Отдельные события детства не заслоняли всей протяженности и смысловой наполненности его. Автор ощущал себя открывателем мира не как места страдания, а как области красоты. После пережитых войн, оккупаций, скитаний, иммиграции возвращение домой, на место рождения — встреча меня-ребенка со мною — старым человеком. Счастье.

Ключевые слова: счастье, детство, ребенок, иммиграция, сады.

Предисловие к публикации

К сожалению, наука часто удаляется от жизни на значительное расстояние, забывает ее запахи, звуки, тепло... Для того чтобы напомнить о существовании подобного явления, редакция взяла на себя смелость иногда дополнять научные материалы новой рубрикой, в которой будут публиковаться короткие феноменологические нарративы, позволяющие читателю сопережить с автором его личный жизненный опыт. Не так уж часто один человек позволяет нам посмотреть на свой внешний и внутренний мир его же глазами и другими чувственными и сверхчувственными органами. При этом читатель может не только узнать что-то новое и не испытанное им самим, но на примере другой самосознающей и самоговорящей жизни сделать шаг в развитии своей способности к рефлексии живой жизни.

Чеслав Милош (1911–2004) считается одним из самых известных польских литераторов прошлого столетия и по совместительству большим знатоком русской истории и души (это, кажется, стало чуть ли не национальной чертой некоторых российских соседей). Публикуемое эссе касается общечеловеческих чувств и демонстрирует общепсихологические особенности восприятия человеком своего далекого детства в момент посещения родных краев, в которые ему удалось вернуться после долгих странствий только в весьма преклонном возрасте.

Б.Г. Мещеряков

Между седьмым и десятым годами жизни я наслаждался ничем не замутненным счастьем, живя в имении дедушки и бабушки в Литве. Первые упоминания о нашей долине появились около 1350 года в хрониках, составленных тевтонскими рыцарями, которые вторглись на эту землю, воюя с моими, в то время языческими, предками. Имение дедушки и бабушки, в котором я родился, в течение нескольких столетий принадлежало семье моей матери; за это время в его пейзаже произошло много изменений, и теперь я знаю, что должен быть особенно благодарен прадеду, который на поросшем травой склоне, полого спускающемся к реке, разбил лесной парк. Он посадил и фруктовые сады, два рядом с усадьбой, третий — немного поодаль, за побеленным амбаром. Было это давным-давно, большие дубы и липы создали мою волшебную страну, а сады позволяли мне открывать вкус яблок и груш самых разнообразных сортов.

Не знаю точно, когда новый дом занял место деревянного строения. Было это, вероятно, в середине XIX века. За белозной стен казалось не кирпичное здание, а обшитая досками постройка, покрытая штукатуркой. В комнатах летом царил прохлада, зимой

их с трудом согревали печки, в которых горели березовые поленья. Спустя много лет на полотнах голландских мастеров я обнаружил изображения интерьеров, напоминавших комнаты моего родного дома.

Я жил без прошлого и без будущего, в стране вечного сейчас. А ведь таково точное определение счастья. Сегодня я задаю себе вопрос, не мифологизирую ли я порой этот период моей жизни. Все мы, говоря о прошлом, создаем мифы, ибо невозможно верно воспроизвести убегающие мгновенья. Остается, однако, вопрос: почему некоторые видят в своем детстве период счастья, а другие — время невзгод? Мой опыт счастливого детства столь жив и интенсивен, что я верю в его подлинность. Это была — говорю не колеблясь — очарованность землею как райским садом.

Рассказы о детстве обычно превращаются в рассказы о семье, но если говорить об этом, то я должен признать, что мне казалось, будто взрослые живут где-то в далеком, точнее — неопределенном мире. Я был одиноким ребенком в волшебном царстве, которое открывал для себя с утренних часов и до самых сумерек. Мой младший брат был тогда младенцем, и я не обращал на него никакого внимания, не было у меня и друзей мое-

* Новая Польша. 2005. №7–8. С. 13–15.

го возраста. Так что я был маленьким Адамом, весь день бегавшим в саду среди деревьев, которые казались мне выше, чем были на самом деле, а моих впечатлений и фантазии не заглушал издевательский хохот демона.

Удивительным кажется мне сегодня, что в возрасте семи лет у меня за спиной уже было достаточно приключений, чтобы вспоминать их всю оставшуюся жизнь. Среди них были поездки воинскими эшелонами по России во время Первой мировой войны, когда мой отец, инженер, был мобилизован и строил мосты для царской армии; была большевистская революция, которую я пережил в городке на Волге, а вместе с ней обыски, бегство, страх. Все это должно было каким-то образом сохраняться в моем сознании, но не преобладало в нем; наоборот, отступило на окраину разума, может быть, благодаря особому механизму самосохранения. Я остался невинным — это значит, что я не выработал в себе никакого взгляда на ужасы этого мира.

Отдельные конкретные события, которых хватило бы, чтобы такой взгляд сформировать, не слились в единое целое; каждое из них существовало в моем сознании обособленно. Ежедневные занятия по хозяйству в имении с сопутствующим им неизбежным знанием о боли и смерти животных не оказывали на меня большого влияния. Когда я ловил рыбу, я сосредотачивался на цели моих действий — поймать рыбу — и не задумывался ни над червяком, извивавшимся на крючке, ни над страданием окунька, который с крючком, вонзившимся в тело, служил приманкой для щуки. А всё же кто знает? Быть может, мой позднейший пессимизм родился как раз в эти мгновения моего детства, пессимизм, простиравшийся так далеко, что зрелым человеком я по-настоящему ценил лишь одного философа — терпкого Шопенгауэра.

Казалось, что мое счастье взялось, как сказал бы Уильям Блейк, из очищения врат восприятия, из жадного созерцания и слушания. Тропинка в тени дубов вела к моей реке, которой предстояло не покидать меня всю оставшуюся жизнь, куда бы ни забросила меня судьба, даже на далеком побережье Тихого океана. Ее ленивое течение позволяло произрастать водяным лилиям, и кое-где их большие листья покрывали всю поверхность воды. Ее берега, поросшие аиром, скрывались в тени кустов и ольхи. Долгими часами следил я за бликами солнца на воде, движениями малых водяных существ, полетами стрекоз. Я готов назвать это сном наяву, но это было бы неподходящее определение, так как оно внушало бы мысль о пассивности, в то время как мое воображение отнюдь не бездействовало.

Таким образом, ребенком я был прежде всего открывателем мира не как места страдания, но как области красоты. Деревья в парке, сады и река создавали особую страну с интенсивной, лучистой реальностью, более подлинной, чем что бы то ни было, существовавшее за ее пределами.

В нас часто пробуждается осознание тяжелых законов жизни, когда мы боремся с другими, особенно с другими детьми. В родовом имении мне не с кем было соперничать, не было никого, кто хотел бы подчинить меня своей воле. Разумеется, я не раз плакал, например когда мать заставляла меня прекратить игру, чтобы за-

сечь за превосходившую мои возможности науку писать буквы алфавита. Но это не было настоящее принуждение — обычно оно приходит со стороны наших ровесников, в чем я имел возможность убедиться позднее, когда началась моя учеба в городской школе.

Счастье, испытанное в детстве, не проходит бесследно — память бурной радости живет в нашем теле и обладает большой целительной силой. Юношей я был угрюмым страдальцем, проявляя исключительный талант к коллекционированию ран и синяков. Быть может, такую судьбу назначила мне моя линия жизни, но время и место тоже могли иметь какое-то влияние на мои депрессивные склонности. В тридцатые годы в прибалтийских странах Центральной Европы в воздухе витало предвестие преступления, которому вскоре предстояло стать реальностью. На востоке, в советской России, миллионы «классовых врагов» в нечеловеческих условиях работали и умирали в так называемых исправительно-трудовых лагерях. Мне было двадцать два года, когда в соседней Германии избиратели передали Гитлеру ничем не ограниченную власть. Несколько лет спустя массовые преступления геноцида, совершенные по его приказам, наполнили мир ужасом...

Мою религию и философию пронизывал мрак, я склонен был верить, что Вселенная возникла в результате какого-то космического катаклизма или даже что сотворил ее сам сатана. Воспитанный в духе католицизма, я переживал увлечение старой ересью манихейства. Она отвечала духу времени, которое лучше всего характеризуют слова Эмманюэля Левинаса: «Бог ушел в 1941 году». Стихи, которые я писал до войны и позднее, в оккупированной гитлеровцами Польше, были бы совсем лишены надежды, если бы я не сознавал красоту этого мира; а красоту эту трудно было понять, ибо существовала она наряду с ужасом.

Многие годы спустя, в возрасте восьмидесяти лет, я вернулся к месту моего рождения и детства. Пейзаж изменился, и, вероятно, изменения эти были более глубокими, чем те, которые произошли по воле человека со времен Средневековья. Литва, до Второй мировой войны независимое государство, в 1940 году была занята Советским Союзом, а коммунистические власти навязали стране коллективизацию сельского хозяйства. Целые деревни с постройками, дворами, овинами, конюшнями, садами были стерты с лица земли. На их месте открылось пространство широких полей, на которых работали трактора. Я стоял на краю возвышенности над похожей на каньон долиной моей реки и видел только равнину, без следа деревьев, купы которых означали когда-то местоположение каждой деревни. Среди многих определений коммунизма, быть может, это было бы наиболее подходящим: коммунизм — это враг садов, ибо исчезновение деревень и преобразование территорий привели к вырубке садов, некогда окружавших каждую небольшую усадьбу и каждую деревенскую избу. Идея коллективного хозяйства — сельскохозяйственные предприятия вместо малых крестьянских хозяйств — была рациональной, но чересчур; подобная безусловная рациональность, на самом де-

ле таящаяся в каждом проекте планового хозяйства, привела к падению советской системы.

При власти коммунистов у садов не было шансов, но будем справедливы: они по своему определению нечто старосветское. Только страстный садовник может наслаждаться большим разнообразием деревьев, приносящих относительно скромный урожай плодов, вкус которых — источник радости для него самого и горстки ценителей. Законы рынка благоприятны лишь для нескольких сортов, которые легко хранить и которые отвечают основным стандартам. В садах, посаженных моим прадедом и выращенных его наследниками, росли разные известные мне сорта яблок и груш, названия которых, когда я позднее произносил их, пахли экзотикой.

Я оказался в том месте, теперь отмеченном купой сорняков, где когда-то стояла усадьба. Она была разобрана в пятидесятых годах, а на месте травы перед верандой вырос дикий лес молодых деревьев, главным образом кленов, по пологому склону спускающийся к берегу реки. По траве было трудно пройти, так как старые тропки скрылись в диких зарослях. Кое-где сохранился какой-то вековой дуб или вяз. Сады исчезли, наверное, просто от старости, если можно судить по нескольким сухим пням. В течение долгих лет здесь все было заброшено и никто не занимался возделыванием земли. В задешеве поставленной лачуге, словно дикари, поселилась старая супружеская пара; единственная выгода, какую они могли извлечь из этого места, была, как я полагаю, неограниченная доступность сухой древесины, ею они могли топить печь во время долгих северных зим.

Я не чувствовал ни гнева, ни сожаления, ни даже печали. Я стоял перед лицом не столько истории моего столетия, сколько самого времени. Всех людей, когда-то гулявших здесь, уже нет в живых, как и большинства тех, кто родился в том же году, что и я, где бы в мире им ни пришлось жить. Радуюсь тому, что я смог вернуться сюда, я сознавал, что возвращение стало возможным потому, что некая великая держава перестала существовать, но самым важным в тот момент была осязаемая стихия уплывающего времени. Я спустился к моей реке. Не было на ней больших листьев лилий, не было аира, а ее ржавый цвет подтверждал деятельность химических предприятий, расположен-

ных в ее верхнем течении. Одинокий дикий лебедь застыл неподвижно в самом центре маслянистой воды — абсурдное зрелище, говорящее о болезни птицы или о замысле совершить самоубийство.

В этот июньский день небо было чистым, а растительность — буйной. Я пытался уловить и назвать мои чувства. Память опознала очертания холмов на другом берегу реки, возвышенность парка, луг у дороги, темное, погруженное в тень пятно зелени, где когда-то был пруд. Несмотря на все эти изменения, расположение местности осталось тем же самым, и мне казалось, что я нашел бы здесь дорогу даже с закрытыми глазами, так как ноги мои понесли бы меня сами.

Многое происходило внутри меня, и поражала сила этого тока, которому не подходило никакое название. Я чувствовал себя так, словно пробудился после долгого сна и снова стал человеком, которым никогда не переставал быть. Долгая жизнь, бегство в последнюю минуту, два моих брака, дети, мои поражения и триумфы — все это мелькало в ускоренном темпе, как на киноплёнке. Нет, это неудачный образ, потому что все это было большой массой, обособленной от меня, существующей в собственном измерении времени, а я заново открывал непрерывность, которая связывала меня-ребенка со мной — старым человеком.

В мире, где доминирует техника и происходят великие перемещения населения, большинство из нас — иммигранты в первом или втором поколении, переселившиеся из сельских районов в большие города. Тема родины, вся эта ностальгическая риторика отечества, которой кормит нас литература со времен, когда Одиссей возвращался в Итаку, сегодня утратила значение, если не вовсе позабыта. Возвращаясь к долине моей реки, я нес с собой наследие тех почтенных, несколько поблекших уже фраз и был равнодушен к их сентиментальному обаянию. Тогда что-то произошло — и я должен теперь признаться, что миф Итаки вырастает из глубоких пластов человеческих чувств. Я смотрел на луг. Внезапно я осознал, что во время долгих лет моих странствий напрасно искал я такую композицию листьев и цветов, какую нашел здесь, и что я всегда мечтал о возвращении. Или, говоря точнее, я понял это только тогда, когда меня поглотила огромная волна чувств, которую можно назвать лишь одним словом — счастье.

Happiness

Czeslaw Milosz

In this short essay the author expresses his inner experience and emotional perception of childhood. The happiness he had experienced in his childhood has not passed without a trace. Different events of childhood did not interfere with its length and meaningfulness. The author felt himself a discoverer of the world, not of the one that is the place of suffering, but the one that is the place of beauty. After all the things that he had gone through (wars, occupations, straying, and immigration), a return home, to the place where he was born, is the meeting between himself-as-a-child and himself-as-an-old-person. That is the happiness.

Keywords: happiness, child, immigration, gardens.